

Мо Юньчу держал ногу Тань Нина в ладони. Ступня Тань Нина была не маленькой, но ладонь Мо Юньчу — такой широкой, а кожа на ноге — такой невысказанно нежной, что невольно напрашивалось сравнение с дорогой игрушкой.

Тени на стеклянной двери пришли в движение. Незримый взгляд из темноты давил Тань Нину между лопаток. Платок скрупулезно стирал грязь с его ног, вызывая мелкую дрожь. Тань Нин отвернулся, пытаясь избежать собственного отражения, но на стенах ванной, облицованных безупречно чистой плиткой, множились зеркальные двойники его малодушного лица.

Тань Нин хотел съежиться в комок. Всепроницающие страх и стыд душили его.

«Не подходите».

— Что случилось? Малыш Нин чего-то боится? — мягко спросил Мо Юньчу.

«Умоляю, не надо».

Мо Юньчу отложил платок, обхватил бледное личико Тань Нина ладонями и мягко надавил пальцами на скулы. Пристальный, немигающий взгляд, казалось, проникал в самые потаенные глубины души.

— Расскажи мне, хорошо?

«Спасите».

С потолка сорвалась и брызнула на холодный кафель капля кроваво-красной жидкости. От звука упавшей капли плечи Тань Нина затряслись. Он вспомнил кошмарный сон, который привиделся ему в ванной в первый день. Как рассказать об этом Мо Юньчу, если нельзя упоминать призраков?

Тань Нин чувствовал, что сходит с ума. Сходит с ума от страха.

— В последнее время у малыша Нина совсем плохое настроение. Я очень за тебя волнуюсь, — пальцы Мо Юньчу гладили его брови — нежно, раз за разом. От этой ласки Тань Нину хотелось плакать.

— Всё из-за истории с катафалком? Я придумал кое-что. Давай вместе сходим к водителю катафалка и подробно его расспросим. Как тебе идея?

Тань Нин не поверил своим ушам. Он давно хотел так поступить, но из-за страха перед Лао Лю и неизвестностью не решался действовать в одиночку.

Тань Нин недоверчиво уставился на Мо Юньчу, глаза заблестели от подступивших слез. Казалось, его оглушило нежданной радостью.

— Правда можно?

Мо Юньчу ласково улыбнулся.

— Конечно, можно.

— Но тебе же надо сниматься, — засомневался Тань Нин.

— Ничего, на один день меня отпустят, — Мо Юньчу погладил его по голове. — Теперь не грустишь?

Тань Нин послушно посмотрел на Мо Юньчу сияющими глазами и кивнул. Он хотел сказать спасибо, но побоялся, что Мо Юньчу потребует награды. Поколебавшись, Тань Нин осторожно поцеловал его в подбородок, внимательно следя за реакцией. Если Мо Юньчу попытается углубить поцелуй, Тань Нин тут же отпрянет, как напуганный зверек.

Но Мо Юньчу не шевельнулся. В непроницаемых глазах не отражалось никаких эмоций. Это придало Тань Нину смелости. Трепеща ресницами, он неловко поцеловал Мо Юньчу в уголок рта. Сладкое дыхание овеяло лицо Мо Юньчу. Зардевшись, Тань Нин зажмурился и на миг прижался губами к его губам.

Затем он поспешно отстранился. Моргая сверкающими глазами, пунцовый до корней волос, Тань Нин искренне произнес:

— Ты такой хороший.

Мо Юньчу застыл на одном колене перед Тань Нином. На красивом лице отразилось редкое замешательство. Без выражения его властные черты казались отчужденными и подавляющими, поэтому Тань Нин не сразу заметил эту перемену.

Ещё одна красная капля упала на пол. От тихого стука Мо Юньчу моргнул. Он пристально посмотрел на потупившегося Тань Нина и одобрительно улыбнулся — мягко и сдержанно.

— Малыш Нин такой умница.

Тань Нин чувствовал, что Мо Юньчу сейчас в прекрасном расположении духа. Хотя внешне он оставался таким же мягким и заботливым, как всегда, Тань Нину казалось, что сегодня он особенно доволен.

Это ощущение не покидало Тань Нина до самого отхода ко сну. Уютно устроившись в объятиях Мо Юньчу, он почувствовал сквозь дрему легкий поцелуй в лоб. В нем сквозила такая нежность, словно Мо Юньчу прикоснулся к бесценному, вновь обретенному сокровищу.

Наутро Тань Нин сперва узнал у директора Линя, вышел ли Лао Лю на работу. Выяснив, что у того выходной, Тань Нин позвонил Лао Лю, но трубку никто не взял.

В итоге Тань Нин отправился в жилой комплекс, где обитал Лао Лю, в сопровождении Мо Юньчу. За исключением охранника, Тань Нин не заметил во дворе ни души. Комплекс погрузился в мертвую тишину.

На сей раз лифт в доме починили. Тань Нин с Мо Юньчу вошли внутрь и обнаружили, что даже в самом безлюдном доме лифты обклеивают рекламой. Незнакомые лица с плакатов улыбались, глядя на Тань Нина. В тесной, промозглой кабине со всех сторон на него пялились

глаза неизвестных звезд.

Тань Нин стиснул ладонь Мо Юньчу и прижался к его плечу. Лифт внезапно распахнул двери на втором этаже. За ними никого не было. От этой пугающей картины Тань Нин вспомнил слова Лу Цзюньчи:

«Когда он ехал в лифте, двери беспричинно открывались и закрывались, а потом раздавался сигнал перегрузки».

Мо Юньчу шагнул вперед. Холодный свет блеснул на козырьке его кепки. Он протянул руку и нажал кнопку закрытия дверей. Лифт поехал дальше.

Сигнала перегрузки не последовало.

Ладонь Мо Юньчу излучала тепло. Лицо его скрывали маска и козырек, но Тань Нин всё равно ощутил безграничное чувство защищенности. Он легонько погладил руку Мо Юньчу.

Из-под кепки на него вопросительно покосились раскосые глаза. Тань Нин одарил Мо Юньчу кротким сиянием улыбки, от которой заискрился даже частокол ресниц.

Эти глаза очаровательно краснели от слез, длинные пушистые ресницы покрывались хрустальной россыпью, омытые слезами радужки сверкали хрупкой, ранимой красотой.

Но стоило заплаканным глазам улыбнуться — и это была уже совсем иная, неповторимая

прелесть. Даже тесное темное пространство лифта на миг озарилось волшебным светом.

Привыкнув к человеку, Тань Нин открывал в себе живую и общительную натуру. Он мог внезапно развеселиться и поделиться своей беспричинной радостью с другом.

А после нескольких дней, проведенных вместе, он и в Мо Юньчу увидел хорошего друга.

Двери лифта разошлись. Не дожидаясь реакции Мо Юньчу, Тань Нин храбро шагнул наружу, не выпуская, впрочем, его руку.

В безмолвии коридора Тань Нин с непривычным апломбом выпятил грудь и, гордо подняв голову, отправился искать квартиру Лао Лю по номерам.

«Система, я сейчас прямо-таки само мужество, а?» — В голосе Тань Нина прозвучало легкое самодовольство.

[Было бы убедительнее, отпусти ты руку Мо Юньчу] — безжалостно развеяла иллюзию бесстрашия система.

«Ни за что!»

Тань Нин сплел свои пальцы с пальцами Мо Юньчу. Они дошли до конца коридора и встали перед дверью Лао Лю. На двери красовался желтый талисман с загадочными закорючками. Тань Нин не понимал их значения, но интуитивно почуял недоброе.

Он молча отступил к Мо Юньчу. Тот, невозмутимый, без спешки постучал. Стук получился негромкий — Мо Юньчу лишь слегка поворачивал запястье, ударяя костяшками по двери. Со стороны это смотрелось очень изящно.

Однако сила, которую прикладывал Мо Юньчу, поражала. Звуки ударов, отчетливые и размеренные, напоминали бой боевых барабанов. У Тань Нина от этого стука почему-то екнуло сердце.

На середине двери распахнулись с оглушительным стуком. В нос ударил густой запах крови. Из щели показался окровавленный тесак. На лезвии отразились испуганные глаза Тань Нина. Рука, сжимавшая рукоять, вздулась венами. Кровь, стекая между пальцев, собиралась на лезвии и капала с острия.

Капли крови упали у ног Тань Нина. Он в панике отпрянул, инстинктивно скрывшись за спиной Мо Юньчу. Дверь распахнулась настежь. На пороге стоял Лао Лю с тесаком, смотревший на Мо Юньчу с мрачным лицом.

Лица Мо Юньчу под маской и козырьком было не разглядеть, но голос его звучал на удивление ровно.

— Господин Лю готовит? — вежливо осведомился он.

— Ты кто такой? Чего надо? — Лао Лю перевел взгляд на Тань Нина, выглядывавшего из-за плеча Мо Юньчу. Его лицо потемнело ещё сильнее, в глазах полыхнула свирепость.

— Убирайтесь! Вон отсюда!

Он попытался захлопнуть дверь, но Мо Юньчу опередил его. Крепко ухватив Лао Лю за руку с тесаком, он ловко втиснулся в проем.

— Господин Лю, мы лишь хотим кое-что у вас узнать.

— Я не принимаю гостей! — взвыл Лао Лю, сверкая глазами. На висках вздулись вены.

Тань Нин заметил, что желтый талисман на двери слегка колыхнулся, словно от ветра. Но откуда здесь ветер — в воздухе висела всепроникающая пыль.

Он с тревогой взглянул на Мо Юньчу, стоявшего лицом к лицу с Лао Лю. Вид окровавленного тесака наводил ужас. Тань Нин опасался, что эти двое сцепятся не на жизнь, а на смерть.

Мо Юньчу, невзирая на враждебность Лао Лю, сохранял хладнокровие. Изящные пальцы извлекли из кармана карточку.

— Миллион за один ответ.

Услышав это, бешено сопротивлявшийся Лао Лю будто окаменел. Он уставился на Мо Юньчу с недоверчивым изумлением.

— Ты о чем это?..

— Если ответы меня устроят, накину ещё десять миллионов.

С этими словами Мо Юньчу стянул маску, явив безупречно красивое лицо. Внешность его была чересчур примечательна. Лао Лю вытаращил глаза.

— Вы... вы же та кинозвезда?!

Уголки губ Мо Юньчу приподнялись в безукоризненной улыбке. Он разжал хватку на руке Лао Лю, достал из папки документ.

— Это составленный моим юристом договор. Наша сделка будет иметь юридическую силу.

Он протянул Лао Лю чистую папку. Тот переводил взгляд с Мо Юньчу на папку. Помедлив, он взялся за уголок, оставив на ней кровавый отпечаток.

Спохватившись, Лао Лю отдернул руку. Вытер ладонь о рубашку и лишь затем принял папку, извлекая договор, о котором говорил Мо Юньчу.

Читал он неторопливо, сосредоточенно. Мутные глаза двигались по мере прочтения. Дочитав до конца, Лао Лю глубоко вдохнул. Потом обернулся и шагнул в квартиру.

— Заходите.

Тань Нин стоял столбом. Он никак не ожидал такого поворота от Мо Юньчу. Впрочем, если подумать: по словам директора Линя, Лао Лю отдал даосу Хао львиную долю сбережений. В обычной жизни ему, должно быть, приходилось туго.

А уж от даоса Хао, с которым Тань Нин имел дело, без денег можно было получить разве что погребальные одежды. Верно говорят: при наличии денег и черти запляшут под дудку.

— О чем задумался? — Мо Юньчу взял Тань Нина за руку и провел в квартиру Лао Лю.

В прихожей у обувной полки аккуратным рядком стояли три пары обуви: детские, женские и мужские туфли.

У Лао Лю не нашлось запасных тапочек для гостей, поэтому Тань Нин так и вошел. В жилище царил мрак. Среди бела дня все шторы были задернуты. Горел свет лишь на кухне.

В полумраке гостиной Тань Нин неясно различил некий предмет, накрытый красной тканью. Почти весь он тонул во тьме. Лишь кое-где мутный электрический свет выхватывал угрожающе-алый абрис.

Тань Нин поспешил отвести взгляд. От увиденного делалось не по себе.

Диван в комнате слегка обветшал. На нем, кажется, громоздилась какая-то мелочевка. Краем

глаза Тань Нин будто заметил колыхание чьего-то силуэта. Он встрепенулся, резко обернулся и понял, что это всего лишь одежда на сушилке. Из-за плотно закрытых штор вещи отбрасывали смутные тени, напоминавшие человеческие фигуры.

Тань Нин перевел взгляд на обеденный стол. На нем ровными рядами стояли три комплекта пиал и палочек для еды. Очевидно, Лао Лю собирался обедать.

С кухни доносились глухие удары разделочного ножа. В дверном проеме виднелась спина Лао Лю, хлопотавшего у плиты. На кухне царили грязь и беспорядок. Чем ближе подходил Тань Нин, тем сильнее его бил в нос тошнотворно-густой запах сырой плоти. Источал его черный мешок для пищевых отходов, брошенный у порога кухни.

Придержав рукой рот и нос, Тань Нин из последних сил сдерживал рвоту. Пересилив себя, он шагнул ближе и увидел, что один мешок завязан небрежно. Из горловины торчала крупная кость с множеством мелких зубных отпечатков. Совсем как от зубов ребенка.

Причем кость явно была сырой.

Но разве жена и дети Лао Лю не умерли много лет назад?

Откуда здесь взялся ребенок?

«Хрясь!»

Резкий звук заставил Тань Нина вздрогнуть. Лао Лю всадил тесак в разделочную доску. Смыв с рук кровь шумной струей воды, он стряхнул влагу с пальцев, и мрачно спросил:

— Ну? Чего хотели-то?

Мо Юньчу посмотрел на Тань Нина, безмолвно предлагая задавать вопросы. Тот робко произнес:

— В ночь на двадцать второе июля, когда вы везли катафалк, были ли в нем пассажиры?

<http://bllate.org/book/14673/1303908>